

К ВОПРОСУ О ПРАСЛАВЯНСКИХ ЗНАЧЕНИЯХ ДАТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА

Общее значение дательного падежа, выделяющее его среди других падежных форм, обычно определяют как значение объекта, к которому направляется действие. В конце праславянского периода это значение, по всей вероятности, уже вполне выработалось и дательный падеж занимал в падежной системе примерно то же место, которое занимает в современных славянских языках. Незначительные следы сходства в употреблении дательного и местного падежей, сохранившиеся в славянских языках исторической поры (вытеснение дательного падежа с предлогом *po* в ряде языков местным падежом; чередование местного и дательного падежей в качестве дополнений к глаголам с приставкой *rgi* в некоторых славянских языках старшего периода), позволяют, впрочем, предполагать недостаточную дифференциацию этих падежей на раннем этапе славянской языковой общности. Сложнее определить круг частных значений, которые выражались в конце праславянского периода формой дательного падежа, а также удельный вес его синтаксических функций (дополнение, обстоятельство, определение).

Значения дательного падежа (в отличие от творительного и местного) тесно связаны со значением господствующего слова и определяются им. В связи с этим выделяется, например, дательный падеж адресата предоставления, управляемый глаголами со значением предоставления, вручения, пересылки и т. п. Дательный падеж, функционирующий в качестве обстоятельства (места, цели), менее тесно связан с управляющим словом; в соответствии с этим большую роль играет лексическое значение слова, принимающего форму дательного падежа. Исследуя систему значений дательного падежа в историческом плане, нужно иметь в виду возможность исторического изменения круга управляемой и управляющей лексики, характеризующегося расширением или сужением употребительности падежной формы в том или ином значении.

Значение дательного падежа связано также с рядом признаков грамматического характера. Известную роль играют переходность, непереходность, безличность управляющего глагола. Для присубстантивного дательного падежа важна синтаксическая функция слова, от которого зависит управляемая форма: дательный падеж, зависящий от именной части сказуемого, выражает иное значение (так наз. дательный падеж отношения), чем дательный, находящийся в зависимости от подлежащего или дополнения (так наз. дат. падеж принадлежности или притяжательный).

Исследование системы значений дательного падежа в историческом плане может производиться лишь при условии учета синонимических отношений, постоянно имеющих место в падежно-предложном синтаксисе. Синонимические отношения между отдельными средствами падежного синтаксиса с течением времени меняются; в соприкосновении приходят новые формы; иногда значения разных по происхождению синтаксических средств настолько сближаются, что одно из них становится излишним в системе языка и может быть вытеснено. Такому вытеснению подвергся, например, дательный падеж направления или места (на вопрос «куда?») в древнерусском языке.

*

Праславянскими значениями можно считать в первую очередь те значения дательного падежа, которые засвидетельствованы памятниками письменности и современными славянскими языками и для которых нет особых оснований предполагать параллельное развитие в разных славянских языках уже после распада славянской языковой общности. Возможно отношение к праславянскому периоду также тех значений, которые несомненно современным языкам, но были представлены в древности хотя бы в виде пережитков. Ниже мы попытаемся предположительно определить праславянскую принадлежность некоторых значений дательного падежа.

Без особого колебания к праславянской эпохе могут быть отнесены наиболее обычные в течение всей письменной истории славянских языков значения дательного падежа в синтаксической функции дополнения: дательный адресата *предо-ст а в л е н и я* и дательный адресата *с о о б щ е н и я* (при *verba dicendi* и др.). Специализация одной общей формы для выражения этих двух значений произошла, по-видимому, еще в дославянский период (закрепление этих значений за одной формой наблюдается и в индоевропейских языках, в частности в финских). В качестве близких по значению синтаксических средств для позднего праславянского периода

можно предположить сочетание дательного падежа с предлогом *к*. В старой славянской письменности нередко встречаются случаи употребления предложного сочетания при глаголах предоставления и, в особенности, при глаголах речи. Так, в др.-р. языке: *рече к провзвету своему* (Б. и Г., 11²); ст.-чешск. *bude mluviti k lidu* (Hus, 1, 170²); серб. *рече најстарији к оцу* (Дан., 370³). Основное значение дательного падежа с предлогом *к* — пространственное; но возможно сближение пространственного и объектного значений, чем объясняется и известное безразличие в использовании дательного предоставления и сообщения, с одной стороны, и предложного сочетания, с другой, характерное для старых письменных славянских языков; возможно, что такое безразличие в большей степени имело место в дописьменный период.

К праславянской эпохе могут быть отнесены и некоторые иные виды дательного падежа в синтаксической функции дополнения, встречающиеся в современных славянских языках и засвидетельствованные также другими индоевропейскими языками. Так, в праславянский период употреблялись дательный вреда и пользы (типа др.-р. *лаяти кому* или *лагодити кому*) и дательный объекта психического движения (типа др.-р. *търпати кому* или ст.-сл. *хотѣти чему*)⁴. Возможно, что круг глаголов, управлявших этими видами дательного падежа, в праславянский период был несколько шире, чем в историческую эпоху. Во всяком случае, в период письменных памятников многие глаголы этих групп в отдельных славянских языках постепенно теряют управление дательным падежом, меняя его на управление родительным, винительным или предложным сочетаниями; иногда эта потеря носит общеславянский характер, как, например, изменение управления глагола *choŕiti* (полная потеря, как в русском языке, или частичная, как в чешском).

Дательный падеж при глаголе *byti* в его вещественных значениях «иметься, принадлежать», «случаться, приключаться» в праславянскую эпоху также находил более широкое применение. Следует полагать, что он являлся вполне обычным средством обозначения лица, которому нечто принадлежит; в славянских языках письменного периода этот вид дательного падежа представлен пережиточно, главным образом в памятниках церковнославянского характера; ср.: *семоу власна рива бѣ* (Гр. Б., 90—3⁵); ст.-чешск. *jemu místo lože měkkého jestli jsů hrubé* (Zikm., 99⁶). Вытеснение дательного падежа в значении владеющего лица началось еще в дописьменную эпоху и происходило главным образом за счет родительного падежа с предлогом *и* и номинативных конструкций с глаголом *иметь* (последнее особенно в западославянских языках). Для праславянского периода в качестве подвида дательного падежа при глаголе *byti* можно рассматривать и случаи дательного падежа при именах, обозначающих состояние (русск. *мне жаль*).

Дополнительная функция формы дательного падежа в праславянском языке не была его единственной функцией. Дательный падеж выражал, вероятно, и определительные оттенки значения (по крайней мере, в случаях типа *он мне брат* — так называемый присубстантивный дательный падеж отношения, зависящий от именной части сказуемого, известен всем славянским языкам).

В отличие от современных славянских языков, дательный падеж без предлога широко использовался в функции обстоятельства. Элементы местного значения дательного падежа (на вопрос «куда?») отмечены в ряде славянских языков, главным образом старшего периода. Особенно часто дательный падеж обстоятельства места встречается в памятниках древнерусского языка; в XII—XIII вв. в древнерусском языке он был основным средством выражения рассматриваемого значения в сфере имен существительных собственных — названий городов; ср. др.-р. *пришедь Вышегороду* (Б. и Г., 15 об.). В других славянских языках наблюдается использование дательного падежа в значении места и от имен существительных нарицательных. В старочешском и старопольском языках дательный падеж направления вообще встречается редко; ср. ст.-чешск. *aby dvoru královi přě i jezden přišel* (Geb., 370⁷). В старославянском языке

¹ Сказание и страсть и похвала святоку мученику Бориса и Глеба (в составе памятника: Сборник XII века Московского Успенского собора), — «Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Моск. ун-те», 1899, кн. 2.

² «Mistra Jana Husi Sebrané spisy české», díl I—III, Praha, 1865.

³ Ъ. Д а н и ч и Ъ, Србска синтакса, део I, Београд, 1858.

⁴ Подробную характеристику употребления дательного падежа в древнерусском и старославянском языках см. в нашей статье «Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках», «Уч. зап. Ин-та славяноведения [АН СССР]», т. XIII, М., 1956.

⁵ XIII слов Григория Богослова в древнеславянском переводе по рукописи Императорской Публичной библиотеки XI в., — «Критико-палеографический труд А. Будиловича», СПб., 1875.

⁶ V. Z i k m u n d, Skladba jazyka českého, Litomyšl a Praha, 1863.

⁷ J. G e b a u e r, Historická mluvnice jazyka českého, díl IV — Skladba, Praha, 1929.

этот тип дательного падежа не зафиксирован. Очевидно широко он был представлен в сербском народном языке, причем образовывался от широкого круга существительных. Ср. на примерах Давичича: *svojoj kuhi ne dohode* (321), *onda ciek otide Solumunovu dvoru* (321), *neka dođe gradu Vučitrnu* (322), *ona ide svoju vinogradu* (322). В праславянский период беспредложный дательный падеж являлся одним из обычных средств обозначения места, хотя наряду с ним уже употреблялись предложные сочетания (дательный с *къ*, винительный с *гъ*). Возможно, что в конце праславянского периода в местном значении еще употреблялся и беспредложный винительный падеж (в славянской письменности почти не встречается); в таком случае в соответствии с объективными значениями этих падежных форм дательный падеж применялся в первую очередь для обозначения пункта, к которому направляется или приближается движение, винительный же обозначал пункт, которого движение достигает. Что касается лексики, принимавшей форму дательного падежа в значении места, то она была, по всей вероятности, весьма разнообразной; нет оснований предполагать, что в праславянском языке она ограничивалась (как в древнерусском) кругом имен собственных — названий населенных пунктов. Вытеснение беспредложного дательного падежа направления происходило в дальнейшем за счет упомянутых предложных сочетаний, к которым в западнославянских языках присоединилось еще сочетание родительного падежа с предлогом *do*. В этом процессе известную роль сыграло формирование литературных языков; в народных говорах и в устной поэзии беспредложный дательный направления сохранялся долго (сербский фольклор; пережиточные случаи в русских говорах).

В праславянский период применялся также дательный падеж с обстоятельственно-объектным значением направления к лицу. Он представлен во всех старых письменных славянских языках, ср. ст.-сл. *se užь твои идоуть тебе крѣпѣ* (Савв., 84¹), ст.-чешск. *vem přišel mistr Upokras* (Mast., 17²). Пережитки такого вида дательного падежа до сих пор имеют место в говорах: русск. *уехал там бабе* (Сел., 192³), диалект. словацк. *a ja budem mojej milej chodiť* (Štolc, 442⁴), серб. *она оде svojoj jetrвици* (Дав., 323). Вытеснение этого типа беспредложного дательного падежа связано с общим процессом дифференциации объектных и обстоятельственных значений формы дательного падежа в славянских языках: беспредложная форма утрачивает обстоятельственные значения.

К праславянскому периоду может быть отнесен и дательный падеж с обстоятельственным значением цели действия. В период письменных памятников он представлен известным количеством случаев лишь в старославянском и древнерусском языках, ср. др.-р. *стаиша ноцѣгѣ* (Лавр., 1097 г.⁵). Однако во многих славянских языках сохраняется пережиток целевого дательного падежа в виде наречия *къ*. Использование в целевом значении дательного падежа с предлогом *къ*, широко распространенное в современных славянских языках, отчасти и в старой письменности [ст.-чешск. *aby jim knihy své dali ku pálení* (Нус, III, 284)], вероятно, не восходит к периоду славянской языковой общности. Об этом говорит между прочим относительная конкретность целевого значения предлога *къ* в древнерусском языке: вплоть до XVI в. это предложное сочетание выражает цель лишь при глаголах пространственного передвижения [*поидоша к богови*] (Лавр., 1096 г.).

Уже в праславянский период обстоятельственная функция дательного беспредложного падежа не являлась его господствующей функцией: рассматриваемые значения места и цели выражались в значительной мере предложными сочетаниями, и дательный падеж был лишь одним из вспомогательных средств выражения соответствующих значений, являясь в то же время основным средством выражения некоторых объектных значений (дательный адресата предоставления и адресата сообщения).

Сочетания дательного падежа с предлогами *къ* и *ро* в праславянский период выражали скорее всего конкретные пространственные значения. Отвлеченные же значения этих предложных сочетаний — целевое значение дательного падежа с предлогом *къ*, причинное значение и значение основания дательного падежа с предлогом *ро* и др. — развились уже в период самостоятельного существования отдельных славянских языков, в некоторых случаях — после появления письменности.

А. Б. Правдин

¹ «Саввина книга». Труд В. Щеркина («Памятники старославянского языка», т. 1, вып. 2), СПб., 1903.

² Mastičkár, Staročeské drama, Praha, 1950.

³ А. М. Сел и щев, Критические заметки по истории русского языка, «Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та», т. V, Кафедра русского языка, вып. 1, М., 1941.

⁴ J. Štolc, Nářečie troch slovenských ostrovov v Maďarsku, Bratislava, 1949.

⁵ «Полное собрание русских летописей», 2-е изд., т. I — Лаврентьевская летопись: вып. 1 — Л., 1926; вып. 2 — Л., 1927.